

2. Венгров Н. Путь Александра Блока / Н. Венгров. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 416 с.
3. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм / В.М. Жирмунский // Русская мысль. – 1916. – № 12. – С. 25-56.
4. Минц З.Г. Блок и русский символизм / З.Г. Минц // Литературное наследство. А. Блок. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1980. – Т. 92, книга первая. – С. 98-172.
5. Орлов В.Н. Перепутья / В.Н. Орлов. – М. : Изд-во “Худож. лит.”, 1976. – 368 с.
6. Цветаева М.И. Сочинения: в 2 т. / М.И. Цветаева. – М. : Изд-во “Худож. лит.”, 1988. – Т. 2. – 640 с.

Summary. In this article a question of ways and methods of creating the “another reality” image in symbolist poetry was pointed. This problem was scrutinized on the materials of A. Block works, who created the structurally clear, almost tangible artistic image of “another world”. From all the means of creating this mythical image, only the words, which created those appellations’ lines with English equivalent of prefix –in, –un, and suffix –less has been scrutinized.

Key words: beautiful lady, “another reality”, unearthly, incomprehensible, mysticism, sign, “biuniverse”, function, secret, hint, symbol.

УДК 821.161.1-1.09

С.Д. Абрамович

СТИХОТВОРЕНИЕ М. ТИЛЛО “РЕНЕССАНС”: ИДЕЯ, ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА, СТИЛИСТИКА

Стаття присвячена дослідженню репрезентативного твору Марії Тилло, в якому зроблено сміливу спробу ліричної інтерпретації вузлових проблем буття людини та шляхів європейської культури.

Ключові слова: Ренесанс, титанізм, трагедійність, культура.

Актуальность темы обусловлена тем, что лиро-поэтическое наследие безвременно ушедшей из жизни молодой черновицкой поэтессы Марии Тилло на глазах получает общественное признание. Статья о ней помещена в “Википедии”, сборники ее стихов издавались в Черновцах и в Киеве. Память о поэтессе увенчана мемориальной доской, установленной на черновицком доме, где она жила. О поэзии М. Тилло одобрительно отзывались украинские мастера поэтического слова, зарубежные литераторы. Кроме того, изданы три объемных выпуска “Научно-поэтических Чтений памяти Марии Тилло” (К., 2007, 2208 и 2010 гг.). Поэзию М. Тилло исследовали известные ученые, среди которых – доктора филологических наук М. Михайлова (Москва, МГУ), Г. Якушева (Москва, Государственный институт русского языка), П. Михед (Киев, НАН Украины), Т. Пахарева (Киевский Национальный педуниверситет), М. Ткачук (Тернопольский педуниверситет), О. Николенко (Полтавский педуниверситет) и др.

Тем не менее, остается актуальной как задача генерализации всех этих исследований, так и необходимость дальнейшего углубленного исследования поэтического космоса М. Тилло.

Так, все исследователи единодушно подчеркивали философско-медитативный характер лирики М. Тилло [3; 4; 5; 6]. Но конкретный анализ одного стихотворения, в частности – данного, предпринимался только однажды, автором этого текста. Эта статья представляет собой переработку ранней публикации в одном из выпусков “Чтений”, посвященных памяти М. Тилло [см.: 2], с надлежащим углублением, особенно же справочно-научного аппарата.

Наше литературоведение имеет традицию монографического анализа одного стихотворения. Такой анализ позволяет достичь достаточной полноты и целостности в трактовке произведения.

И, чтобы уяснить духовно-философскую насыщенность поэзии М. Тилло, основные принципы создания ее образной системы, мы остановимся сейчас на одном из наиболее неповторимых ее произведений.

РЕНЕССАНС¹

Мы шли по лестнице небес,
Держа перила облаков
В своих трепещущих ладонях.
И растворяющийся день

Скрывался в черной маске сна,
А мы спасались от погони

Самих себя. Искрился дождь
Звездопадения. И тень
Сгорала, прикоснувшись к краю
Вселенной. Розовый огонь
Струился тлеющей рекой,
Где волны пели: “Я не знаю...”

Не уточняя, что не знать
Им предложили облака.
И постепенная удача
Вершила чудо. А вокруг
Горело радостным костром.
Но почему-то плачу, плачу...

М. Тилло читала в вузе культурологию, и тем самым оказывалась в положении куда более выигрышном, чем, скажем, положение булгаковского Ивана Бездомного. Увы, булгаковский персонаж сконденсировал в себе типичные черты нового, “советского” поэта – эдакого человека с улицы – талантливого, но дремуче невежественного. Разрушающий все традиции футуризм в первые годы советской власти процветал как раз благодаря этой дикой энергии отрицания, тайно унаследованной, впрочем, от бурной эстетики романтизма XIX века. Импульс этот не угас и сегодня: по неписанным законам поэту почему-то как бы позволено не знать очевидных вещей – вплоть до грамматических правил, быть нахраписто-эпатажным в общении и жить не столько среди людей, сколько среди слов, предпочтительно собственного изобретения. Культура такому поэту представляется обычно фрагментами, случайно выхваченными из общей тьмы прожектором собственного внимания.

М. Тилло вовсе не была “книжным червем”: более того, поначалу что-то в ней было, пожалуй, и от Ивана Бездомного. Недаром ее первый сборник был назван “Я”: по молодости лет, она еще чаще говорила “Я и Моцарт”, а не “Моцарт и я”. Но участие в проекте кафедры по созданию собственного концептуального учебного пособия по культурологии, в частности, осознание необходимости переоценки наследия Ренессанса², чтение лекций по культурологии, не могли пройти бесследно. Интеллектуальные занятия придали масштабности ее природной склонности к обобщениям. А огранкой поэтической эмоции выступила русская поэтическая традиция: “Изысканная простота, органичная утонченность и сдержанный драматизм стихов Марии Тилло заставляют вспоминать прежде всего о поэзии Серебряного века – об ахматовской созерцательности и мандельштамовской грустной философичности, о цветаевской трагической “неукорененности” и брюсовском символично-мистическом урбанизме, о блоковской тоске по прекрасному и неосуществимому – и есенинском ощущении обостренно-живой связи с природой” [6, 29].

Видимо, поэтической темой этого стихотворения является именно трагическая красота Ренессанса, вознесшего человека на небывалую высоту, за чем последовало и неминуемое падение. Исследователи культуры указывают, например, что уже Шекспир становится летописцем угасания ренессансной веры в величие и красоту человека: титанический порыв взять власть над судьбой в собственные руки сменился трагическим вопрошением: быть или не быть? Наше сегодня с его противоречивыми установками – от невероятного преувеличения возможностей человека до не менее невероятного унижения и порабощения его – закономерное дитя Ренессанса.

М. Тилло с подобными духовными массивами имела дело, как говорят, по долгу службы. Ей пришлось углубиться, в той или иной степени, во всю историю культуры. Интеллектуальные занятия придали масштабности ее природной склонности к обобщениям.

Отмечено, что “она тонкий лирик, с чутким ощущением природы. Однако это не описательная, а философско-медитативная поэзия” [5, 9]. Лирику литературоведы привычно делят на рубрики: лирика любовная, пейзажная, гражданская, философско-медитативная. Обыкновенно эмоции поэта сосредотачиваются на относительно малом объекте: любимый человек; локон кудрей в памятном медальоне; родные березы за окном; подняться до любви к родине вообще в нашей традиционной литературной критике уже почитается признаком высокого духа. Историческая ретроспектива у большинства наших сегодняшних поэтов также обычно сводится к горизонтам истории своей земли. Да и в истории литературы я что-то не припоминаю поэтов, вдохновлявшихся впечатлениями от “чужих” минувших веков – один разве что Валерий Брюсов, основоположник русского символизма (рубеж XIX-XX ст.). Тот мог держать лирический монолог

от лица ассирийского царя Ассаргаддона или египетской царицы Клеопатры. Но у Брюсова, историка по образованию, в основе такого художественного образа лежит некоторый трафарет, привычное, сложившееся в веках мнение о том или ином герое прошлого.

А здесь – нет ни какого-либо стандарта, ни конкретного человека, ни, впрочем, внешних примет самой эпохи. Ренессанс ведь был очень натуралистичен: его художники обожали детализировать изображение, доводя до иллюзорности (тот же Леонардо); его писатели смаковали, как Боккаччио, телесность и эротику. Обо всем этом М. Тилло прекрасно знала. У нее в комнате висела выполненная маслом копия головы ангела с леонардовской картины “Мадонна в гроте”, которую она любила: чарующий образ юности, соединяющий любование телесным цветением с одуховоряющей традицией средневековой иконы. Не знаю, эта ли именно картина кристаллизировала то ощущение эпохи Ренессанса, которое наполняет стихотворение, и если кристаллизировала, то в какой степени. М. Тилло была в таких ситуациях совершенно независима от чьего бы то ни было “влияния”, хоть бы и самого Леонардо.

Но общее ощущение возникает: и в картине Леонардо, и в ее стихотворении, образ цветущей молодости выступает на трагическом черном фоне. У Леонардо – это стены грота, в котором уединились Святая Мать и Дитя, сопровождаемые ангелом. У М. Тилло окружающая, сгущающаяся тьма ассоциируется не с замкнутым пространством, как у живописца, а с замыканием времени:

И растворяющийся день
Скрывался в черной маске сна...
...И тень
Сгорала, прикоснувшись к краю
Вселенной.

В объятиях нарождающейся тьмы кипит и бушует нежное пламя жизни, для которого найден неожиданный эпитет *розовый*:

Розовый огонь
Струился тлеющей рекой,
Где волны пели: “Я не знаю...”

Самый загадочный момент стихотворения – вот это “Я не знаю...”, журчащее в пении волн. Языческий по духу пантеизм Возрождения, впрочем, предполагал такую вот беседу с природными стихиями. И поэту дано услышать в этом диалоге стихий гораздо больше, чем равнодушному стороннему наблюдателю.

Не уточняя, что не знать
Им предложили облака.

Воля неба... Сквозной мотив поэзии М. Тилло – небо, опрокинувшееся в зеркала земных вод, схождение неба в плоть земного. Власть неба, ограничивающего земное знание – вод ли, пляшущего ли розового огня или – человека.

На особую роль образа неба в поэзии М. Тилло обратила внимание Т. Пахарева: “Небесный топос является в поэзии М. Тилло едва ли не самым разработанным: если земное пространство часто словно развоплощается, рассыпаясь на осколочные картины отражений в лужах (триптих “сверху вниз”), “точечные”, не собранные в единую картину и с трудом локализуемые “промельки” предметов (“Серый рассвет”), непредсказуемо меняющиеся каждое мгновение формы (“Наблюдения”), то пространство неба четко структурировано и предметно наполнено” [3, 32].

Человек в анализируемом стихотворении М. Тилло – вроде бы как бог античной мифологии: он в самом начале стихотворения – юн, радостен и смел; он, может показаться, действительно взбирается на небо в титаническом размахе самоутверждения:

Мы шли по лестнице небес,
Держа перила облаков
В своих трепещущих ладонях.

Тем не менее, в этом стремлении ввысь тут же обнаруживается внутренняя дисгармония, надлом. Ладони, дерзнувшие ухватиться за облака, недаром “трепещут”. Оказывается, человек спасается от самого себя. И, даже осыпанный падающими звездами, он не выглядит победителем в этом “штурме космоса”, как и создатели Вавилонской башни:

А мы спасались от погони
Самих себя. Искрился дождь
Звездопадения.

Пока – штурм неба. Пока – юность и победа. Но атмосфера волшебной сказки включает также предчувствие неминуемого поражения:

И постепенная удача
Вершила чудо. А вокруг
Горело радостным костром.
Но почему-то плачу, плачу...

Тем, кто знаком с творчеством М. Тилло, не следует объяснять, как много личного было вложено в эту коллизию лирического сюжета. Она знала, что обречена болезнью. Но – находила в себе силу для вот таких поэтических взлетов. Для горького и отчетливого осознания неминуемого поражения человека в его поединке с миром. Находила смелые и яркие образные решения, неповторимые сочетания слов для того, чтобы обобщить и слить в одно целое великие порывы человечества и свое личное дерзание.

“Очевидно, творчість молоді авторы формувалася як цілісне напруження, поєднання всіх сил і спроможностей розуму, душі та волі. Метафора здивування засвідчує оригінальний погляд героїні на світ як суверенну форму духовного буття ліричного “Я”, наділений особливою життєвою енергією”, – пише Н Ткачук [4, 85].

Согласно концепции автора стихотворения, мы всегда несем в себе розовый огонь Ренессанса среди неумолимо сгущающейся тьмы. Мы в безумии бросаемся “штурмовать небо”, надеясь победить судьбу. Мы обречены в этой борьбе. И – невыразимо прекрасны в своем поединке с роком. Вот что, видимо, хотела сказать она этим неподражательно странным и волнующим стихотворением.

Лев Толстой как-то сказал о Фете, что тому присуща “лирическая дерзость, свойство великих поэтов”. Помолчим насчет величия, но в “лирической дерзости” Марии Тилло никак не откажешь.

Примечания

- ¹ Именно так было озаглавлено это стихотворение в сборнике Марии Тилло “Alter ego”. В итоговый ее сборник “Лирика” оно случайно попало без названия.
- ² В нашей совместной книге [1] мы рассматриваем Ренессанс и ренессансный гуманизм не как “величайший прогрессивный переворот из всех, пережитых человечеством”, как утверждал некогда Ф. Энгельс, но как трагическое заблуждение европейской культуры. Ренессанс породил не только ее секуляризацию (освобождение культуры от религии): антропоцентризм повлек за собой тотальное падение нравов, угасание политической и юридической морали, высвобождение в человеке “зверя”. Символом Ренессанса может служить тот несчастный ребенок, которого Леонардо да Винчи некогда выкрасил золотой краской – дитя должно было изображать на празднестве Эрота. Это “обожествление человека” обошлось дорого: к вечеру ребенок умер от закупорки всех пор кожи.

Список использованных источников

1. Абрамович С. Д. Культурологія : навч. посіб. / С. Д. Абрамович, М. С. Тілло, М. Ю. Чикарькова. – К. : Кондор, 2003. – 320 с.
2. Науково-поетичні читання пам’яті Марії Тілло. – Випуск 1. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2007. – 80 с.
3. Пахарева Т. Небесный топос в поэзии М. Тилло / Т. Пахарева // Науково-поетичні читання пам’яті Марії Тілло. – Випуск 2. – К.: Видавничий дім Д. Бураго, 2008. – С. 32–35.
4. Ткачук М. Екзистенційне осмислення буття людини в ліриці Марії Тілло / Микола Ткачук // Науково-поетичні читання пам’яті Марії Тілло. – Випуск 3. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – С 84–88.
5. Чикарькова М. Поэзия Марии Тилло / Мария Чикарькова // М. Тилло. Лирика. – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2006. – С. 2–13.
6. Якушева Г. “Слишком много счастья – это скучно. Слишком много счастья – это страшно...” (о стихах Марии Тилло) / Галина Якушева // Науково-поетичні читання пам’яті Марії Тілло. – Випуск. 2. – К.: Видавничий дім С. Бураго, 2007. – С. 29–32.

Summary. The article deals with representative works of Mary Tilly, which made a bold attempt lyrical interpretation of the key problems of human existence and ways of European culture.

Keywords: Renaissance, titanizm, tragedy, culture.